

Нарративы и концепты о Первой мировой войне в публицистике Н.А. Бердяева и В.И. Вернадского

© В.А. Ермаков

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследованы и реконструированы взгляды Н.А. Бердяева и В.И. Вернадского на Первую мировую как конкретное военно-политическое событие и на войну как субстанциональное историческое и социокультурное явление. Актуальность обусловлена текущим состоянием политических процессов и необходимостью понять фундаментальные смыслы войны. Представлены нарративы Бердяева о первом в истории мировом конфликте, нашедшие свое отражение в его публикациях в газетных изданиях «Биржевые ведомости» и «Утро России», регулярно выходивших с 1914 по 1917 г. В данных нарративах выявлены причины и характеристики конфликта, а также особенности концептуального объяснения войны как исторического и метафизического феномена. По мере обнаружения содержания и интерпретационной специфики таких концептов, как война, империализм, освобождение и др., проведены связи между абстрактными понятиями, идеологическими конструкциями и конкретными событиями, происходящими во внутренней и внешней политике Российского государства и мира в целом. Прослежены тематическая вариативность, расширение проблемных полей, смена контекстов в рассмотрении войны, следующие за динамикой текущих событий и обусловленные индивидуальной реакцией философа, его персонализированным отношением к действительности. Исследован в сравнительном плане взгляд В.И. Вернадского на Первую мировую войну, установлена его сциентистская направленность и прогрессистская основа. Выявлены допускаемые следствия и тенденции мирового конфликта, который обосновывает ученый в статье «Война и прогресс науки» (1915). Показано различие их представлений о военном конфликте, а также выявлены сходства в оценке определенных аспектов войны.

Ключевые слова: исторический факт, германский милитаризм, Первая мировая война, техника, футуризм

Первая мировая война, вызвавшая активизацию общественно-политической жизни и подъем национального самосознания в России, нашла свое отражение в публицистической деятельности целого ряда представителей научного и философского мира начала XX в. Среди них следует выделить Н.А. Бердяева и В.И. Вернадского, которые, с одной стороны, репрезентируют различные мировоззренческие модели, ценностные координаты, а с другой — имеют общий предмет осмысления — Первую мировую войну в ее материальных и духовных проявлениях. Предметом статьи являются концепты и нарративы Бердяева и Вернадского относительно причин, фактов, возможных последствий Первой мировой войны для России и цивилизации в целом. Цель

статьи — их выявление и аналитическая реконструкция в соответствии с хроникой событий войны. В качестве источника взяты комплекс статей Бердяева в периодических изданиях за 1914–1917 гг. — «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русская мысль», а также очерк Вернадского «Война и прогресс науки», написанный в 1915 г. и опубликованный в одноименном сборнике, явившемся одним из ответов авторов на вопрос, чего ждет Россия от войны.

Бердяев представил публицистическую хронику Первой мировой, синхронно следовавшую за событиями от объявления войны в августе 1914 г. до кульминационного момента января 1917 г. Регулярные нарративные практики, координированные экзистенциально-психологическими и морально-антропологическими смыслами, направляются авторским интересом расширения идейных горизонтов в понимании сущности войны. Являясь представителем религиозного идеализма, Бердяев изначально дает установку на рассмотрение войны в качестве духовного феномена, настаивая на том, что за каждой цепочкой событий разворачивающейся мировой истории стоит христиански-эсхатологический смысл. Его рецепции к Священному преданию и евангельским ценностям станут определенным аргументом для обоснования целого ряда идей и выводов.

Аналитическую реконструкцию взглядов Бердяева на Первую мировую войну стоит начать с публикации «Война и возрождение», напечатанной в газете «Утро России» № 192 за 17 августа 1914 г., как раз спустя две недели после официального объявления подданным манифеста о вступлении России в войну с Германией. Изначально Бердяев фундирует мысль о том, что война — это возможность для социального организма осмыслить себя и свою роль в истории в момент наивысшего напряжения: «Каждому народу надлежит осознать себя и свое положение в мире не только материально, но и духовно» [1]. Подчеркивая иррациональность, противоречивость войны и находя ее исток в темной природе воли народов, он видит ее смысл в том, что она «возрождает дух дряблый и расслабленный» [1]. Причины Первой мировой войны, ставшей новым явлением глобальной истории, он видит не в столкновении случайных факторов, к числу которых стоит отнести убийство в Сараево и последовавшую затем реакцию стран — участниц конфликта, и не в дипломатических ошибках и блоковых противоречиях. С его точки зрения, мировой конфликт предопределен Богом и теми пророчествами, которые имеются в Библии. «Пожар европейской и мировой войны провиденциально неизбежен... Эта небывалая и страшная война была начертана в книге жизни от века веков» [1]. Помимо этого, Бердяев ссылается на сложившийся к началу XX в. исторический парадокс, продемонстрированный развитием Европы и состоящий в превращении ее из цивилизации светского гуманизма в мир господствующего милитаризма. Одним из ключевых проводников и носителей европейского

милитаризма являлась Германия, и объяснению феномена германского милитаризма Бердяев уделяет значительное внимание в целом ряде статей. Следует отметить, что в рассуждениях автора об этом феномене отражаются определенные установки общественного мнения — германофобии, ставшей движущим фактором антигерманской пропаганды. Автор не задается целью сконструировать из Германии образ врага, как это делали некоторые представители партийной, в том числе правой, печати. В его отношении к немецкому представлены концептуальные суждения и ссылки на конкретно-исторические факты, которые будут рассмотрены далее. Ценна мысль Бердяева о том, что Первая мировая имеет преемственность и историческую связь с Отечественной войной: «Нынешняя война является духовным продолжением войны Отечественной» [1]. Как в конфликте 1812 г., когда миссией России стало освобождение мира от гегемонии наполеоновской Франции, так и в текущем ее мессианское предназначение состоит в избавлении мира от угрозы прусского милитаристического империализма. Общим началом также является то, что в обеих войнах проявились рост национального самосознания и подъем патриотических сил, свидетельствующие об усилении русской цивилизации. Заканчивает Бердяев свой исходный нарратив выводами о том, что «война должна привести к возрождению России и мира» [1], а также усилению религиозной составляющей в жизни.

Следующая статья «Россия и Польша», опубликованная в «Биржевых ведомостях» от 10 октября, касается острого для России вопроса — национального, а именно отношений Российской империи и Царства Польского. Она начинается с оценки речи Верховного Главнокомандующего — Николая Николаевича, произнесенной 5 августа 1914 г. и обращенной к полякам и русским, где предлагалось примирение братских народов перед общей угрозой после того, как в начале августа русские войска вошли на территорию Галиции и пересекли границы Австро-Венгрии. В обращении к подобной тематике был не только интерес к актуальной политической повестке, но и связь с концептуальной статьей Вл. Соловьева «Национальный вопрос в России» (1888). В определенной степени статью Бердяева возможно рассматривать как обобщенный взгляд на польский вопрос. С началом войны появляется возможность его кардинального разрешения, что не только позволит снизить последствия русификаторской политики в Польше, оцениваемой Бердяевым как несправедливой, но и будет способствовать преодолению разрыва между славянскими народами, обусловленного историей взаимоотношений с поляками — «страхом перед польской опасностью» [2] и наступлением католичества. Однако способ решения польского вопроса предлагается в духе идеологии панславизма: всеславянское объединение под эгидой одного из народов — русского. По мнению Бердяева, реализация доктрины панславизма на практике позволит

России осуществить свою мессианскую роль и реализовать геополитические интересы. «Лишь после того, как Россия добьется воссоединения несчастной Польши, она естественно осознает себя великой славянской страной, призванной нести в мир славянскую правду... Наша политика должна стать решительно полякофильской. Это — обратная сторона антигерманской политики» [2]. Интересны рассуждения Бердяева исторического плана, которые излагаются в конце статьи, где он в связи с переименованием Петербурга в Петроград 18 (31) августа 1914 г. на волне патриотизма и антинемецких настроений рассматривает данное событие как символический акт и начало нового периода в мировой и русской истории. «Знаменательный 1914 открывает новую эпоху всемирной истории и новую эпоху истории русской. Кончается петроградский период русской истории» [2]. Идеализм мысли философа также проявляется в видении мессианской роли России в мире как направляющей духовной силы, наполненной исключительной моральной силой в отстаивании правды.

Осмысление проблемы войны у Бердяева также происходит в культурном контексте в связи с развитием нового модного авангардного течения — футуризма. Статья «Футуризм на войне», опубликованная в «Биржевых ведомостях» 26 октября 1914 г., предлагает иной ракурс рассмотрения этого явления, лишённого общепринятых культурных коннотаций и помещённого в политический, технический и военный контексты. Отчасти это вызвано противоречивостью и неопределённостью самого слова, как отмечает Бердяев, которое возможно применять к разнообразным явлениям. В интерпретации философа концепт футуризма наполняется новым содержанием и используется как мыслительный конструкт для объяснения реакционной и агрессивной роли Германии в войне, обретая новую форму — «футуристическая война германцев». Прежде всего футуризм он находит в методах, которыми немцы ведут войну, а также в обращённости немецкого сознания, артикулирующего идеалы прусского юнкерства, в прошлое. Рассматривая германский милитаризм как футуристический феномен, сформировавшийся в условиях новой истории, он полагает, что развитие техники и капиталистической промышленности актуализировало его существование в безобразной форме. «Германский милитаризм есть типически футуристическая механизация и автоматизация человеческой массы и человеческой жизни. Германский милитаризм — есть милитаризм капиталистический, неразрывно связанный с немецкой промышленностью» [3, с. 2]. Из этого выводится затем негативное отношение Бердяева к технике в целом, поскольку продемонстрированные Германией военнотехнические возможности не только механизуют личность в войне, делая из нее послушный автомат, но и уничтожают проявления духа и ценностных отношений в конфликте. Актуальна его следующая мысль: «Техника побеждает человеческий дух, внешняя годность

затмевает внутреннюю ценность, движение истребляет существенное» [3, с. 2]. Играя с полисемией футуризма, Бердяев снова возвращается к его исходной культурной основе и интерпретирует в качестве проекта, демонстрирующего последствия научно-технического прогресса, где техника играет роль ускорителя движения социально-исторического времени и разрушителя органических основ жизни. «Этот технический прогресс, в котором движение времени все более ускоряется, разрушает органическую цельность жизни, органическую связь духа и материи... Нынешняя футуристическая война колеблет органически-священные основы жизни» [3]. Последствием подобной тенденции разрушения культурных скреп и цивилизационных традиций под влиянием технократии станет новое варварство и частичная варваризация человечества. Эта мысль будет прологом для обоснования будущего концепта Бердяева о наступлении «нового Средневековья», и в ней есть провидческий смысл. Проецируя свой концепт варварства на современные ему события и предупреждая о его опасности, философ завершает статью констатацией того, что носителем и проводником нового варварства в современный мир стал германский империализм, которому должна быть противопоставлена Россия, сохранившая свободу духа.

Исследование врага в лице германского милитаризма, начатое в предыдущей статье, продолжается в публикации «Современная Германия» в октябрьском номере «Утра России», которая стала рецензией на книгу А. Лихтенберже с одноименным названием и вышла в Москве в 1914 г. Бердяев, вступая в диалог с автором работы, стремится на основе согласия с некоторыми позициями развить свои оригинальные взгляды. Исходной проблемой для его нарратива является вопрос о несоответствии между немцами, создавшими культурные и философские эталоны, и немцами, разрушающими в период конфликта культуру, право, мораль. Бердяев сразу формулирует тезис о том, что война как любое социальное явление не является воплощением анархии и хаоса, а подчиняется морали и праву, имея, таким образом, свои ограничения. Источником германского империализма и милитаризма является победа во франко-прусской войне, которая обернулась упадком и вырождением немецкого народа, когда «совершалось падение германских идеалов жизни, понижение уровня ее духовной культуры, умирание и забвение того великого, что в прошлом сотворил германский дух» [4]. Есть некоторая рецепция к ницшеанскому концепту воли к власти, который обрел в XIX — начале XX в. материальные формы: «Весь военный, промышленный, бюрократический механизм современной Германии есть превосходно организованная воля к власти и мощи германского народа» [4]. В связи с этим роль немецкой нации в истории достаточно парадоксальна, поскольку в ней сочетаются уникальные и гениальные проявления индивидуальности, внесшие вклад в мировую культуру, с утилитарной приземленностью бюргерской массы,

стремящейся к усилению германского могущества, которое несет угрозу другим государствам, мировой культуре и славянству. Бердяев констатирует признаки духовного упадка у немцев, ставшего следствием стремления к экспансии, и усиления национализма, исповедующего культ силы и расширения жизненного пространства. «Нравственное и культурное вырождение — неизбежный результат германского национализма и милитаризма» [4]. Он также полагает, что Первая мировая война будет способом и началом избавления от идолопоклонства русского мира перед немецкой культурой. «Мировая война должна освободить нас от ложной идеи, что германская культура есть культура по преимуществу. Она освободит не только от немецкой силы, но и от немецкого духа» [4].

Оригинальная интерпретация концепта империи и его трансформации в начале XX в. изложена в статье «Империализм священный и империализм буржуазный», опубликованной в «Биржевых ведомостях» 5 ноября 1914 г. Исходной посылкой рассуждений становится мысль о том, что идея империи как универсального единства, объединяющего человечество на наднациональной и всемирной основе, является одной из древнейших. Ее исторический прототип и истинное воплощение — Римская империя, наделенная затем для христианского мира сакральными атрибутами. Возникшая в средневековом мире Священная Римская империя, раздираемая внутренними конфликтами и просуществовавшая до XIX в., являлась, по мысли Бердяева, умозрительным идеалом наподобие мира идей Платона, оторванных от реальности. Однако значение античной Римской империи как опыта, позволившего осознать идею единства человечества, сохраняется и актуализируется в новых исторических условиях. В XIX–XX вв. трансформация этой идеи находит свое отражение в новой имперской политике — буржуазном империализме, связанном с институтом национальных государств. Однако, по Бердяеву, буржуазный империализм скорее является отклонением от античного проекта и реализацией гегемонистских замыслов национальных государств. «Буржуазный империализм есть вырождение древней идеи империи, перерождение ее в жажду материального господства национального государства в мире и над миром. Империализм XX века есть борьба нации за великодержавное положение в мировых отношениях» [5]. Таким образом, причину Первой мировой войны философ находит в конкуренции между имперскими амбициями буржуазной Англии с аналогичной Германией за господство на море, а характерной особенностью геополитики начала XX в. считает существование и конкуренцию многих империй. При этом Германский национальный империализм паразитирует на священной идее империи и стремится к доминированию над национальными государствами, препятствуя их освобождению. В связи с этим задача России — способствовать освобождению народов и защите их национальных интересов. На нее

возложена миссия построения универсальной империи после Великой войны, поскольку только Россия является проводницей всемирного духа и наднациональных традиций, преемницей римского образца.

К психологии и антропологии войны Бердяев обращается в одной из своих последних статей за 1914 г. «О дремлющих силах человека (К психологии войны)», опубликованной в ноябре в газете «Утро России». В определенной степени нарратив Бердяева является ответом на запрос теоретика войны генерала М. Драгомирова в необходимости объяснения уникальных психологических феноменов войны под влиянием опасности и раскрытия значения в ней духовного фактора. Также мотиватором к ее написанию послужили события в нейтральной Бельгии, оказавшей героическое сопротивление вторжению немцев, и публикации о жестоких расправах немцев в СМИ. Отмечая одну из психологических особенностей воздействия войны на психику, состоящую в иницировании амбивалентных чувств, где, с одной стороны, имеются деструктивные элементы в виде страха перед смертью, насилием, страданиями, разрушениями, а с другой — конструктивные в виде открывающихся психофизиологических резервов у человека, героических поступков и жертвенности за высокие идеалы, он тем самым стремится доказать, что «нужны великие потрясения, катастрофа личная и мировая, чтобы пробудить все силы в человеке» [6]. Война является своего рода экзистенциальным вызовом, мобилизующим природу человека и раскрывающим ее сущность. Сам человек в условиях такого вызова становится носителем бинарных проявлений и демонстрирует разнонаправленные поступки. «Война делает человека зверем и героем, варваром и могущественным, будит инстинкты самые низкие и самые высокие. В этом неистребимое противоречие войны» [6]. Полагая, что социально-психологическая причина войны состояла в глубоком духовном кризисе общества и переоценке всех ценностей, Бердяев считает, что только испытания, подобные текущей войне, очистят и возвысят природу человека, дадут подлинное освобождение его духовным силам, а также откроют перед ним новую всемирно-историческую перспективу.

Статьи философа за 1915 г. наполнены несколько иными настроениями и смыслами, где лейтмотивом проходит ключевой — нарастания внутренних противоречий между властью и обществом, правительством и парламентом, интеллигенцией и народом. Подобные смыслы уже заметны в статье «Новая Россия» в «Биржевых ведомостях» за 23 января 1914 г., где тон статьи сформулирован фразой: «Россия раздирается противопоставлением двух царств — царства “обывательщины” и царства “интеллигентщины”... Настоящей свободы нет ни там, ни здесь» [7]. В этих условиях Бердяев видит задачу обрести истинное национальное самосознание, которое будет свободно от ложно-официального консерватизма и утопично-радикального интернационализма. Ни правые, ни левые с их идеологическими штампами

не способствуют обновлению общественного мнения. «Свободная общественность может быть создана лишь свободным духом, лишь сознавшим свободу свою» [7]. И такое общественное возрождение возможно только посредством религиозного обновления. Здесь Бердяев выдвигает очередной концепт — «новой России», который способен преодолеть идеологические противоречия и партийный партикуляризм и явится основой для будущего возрождения России. «“Идея” новой России должна быть выше всех старых доктрин, платформ, партийных и направленных разделений. И повторение старых слов, — славянофильских, западных, правых, левых — мучительно, как препятствие для новой жизни... Нынешняя мировая война дает толчки к возникновению нового сознания, творческого национального сознания» [7].

В «Биржевых ведомостях» за 11 марта 1915 г. в статье «О дарящих и отнимающих» Бердяев снова возвращается к национальному вопросу. Отправной точкой ее написания стал цикл статей П.Б. Струве по украинскому элементу национального вопроса, опубликованных в течение 1914 г., — «Австро-германское “украинство” и русское общественное мнение», «К украинскому вопросу», «Общерусская культура и украинский партикуляризм». Политическую остроту проблема приобрела в связи с событиями на фронте, когда Галиция как бывшая территория Австро-Венгрии в результате успешной Галицийской битвы перешла под контроль русских, и там началось давление на украинское национальное движение со стороны правой администрации, что усугубило межрелигиозные и межнациональные противоречия. С одной стороны, Бердяев признает правильность базовой точки зрения Струве на то, что «украинофильство есть лишь провинциализм, который не может и не должен нарушать единства общерусской культуры» [8], а с другой — критически настроен к позиции преувеличения значения украинофильства и трактовки его как опасности, наравне с католической, сектантской, революционной и др. Преувеличение угрозы будет держать в рабском состоянии великорусское самосознание, приведет к перенапряжению национальных сил, а также ослабит народ, государственность и церковь. Причину украинского сепаратизма Бердяев видит в рестрициях со стороны власти и ошибках национальной политики: «Преобразование украинского провинциализма в украинский сепаратизм было целиком создано ложной политикой утеснений и ограничений, русской по официальному лозунгу, но не русской по духу» [8]. Концептуальное решение любого аспекта национального вопроса в России от еврейского и польского до украинского он видит не на основе государственной необходимости и политической целесообразности, а посредством обращения к универсальным христианским ценностям каждого из народов многонациональной России, поскольку именно они

способны примирить личностное начало и государственное, сгладив межнациональные противоречия.

Статья «Германия, Польша и Константинополь» в «Биржевых ведомостях» за 21 мая 1915 г. посвящена вопросам политической идеологии и международной политики, которые стояли на повестке Первой мировой. Изначально противопоставляя по идеологическому критерию Германию как проводницу пангерманизма и Россию как носительницу панславизма, он видит за этим более глубокий антагонизм между протестантизмом и православием, который гораздо радикальнее, чем между православием и католичеством, на том основании, что романские народы ближе по культуре и религии славянам, чем немцы. В сдерживающей роли германского фактора по отношению к российской цивилизации, а также в германофильских симпатиях элиты, он видит главное препятствие в разрешении как национального вопроса, так и территориального о черноморских проливах. «Германофильство исказило все наши перспективы, оно было главным препятствием на путях решения ближневосточного и вопроса польского, которые так обострились сейчас» [9]. Развенчивая утопии славянофилов и Достоевского о вечном союзе между российской и прусской монархиями на основе факта текущего конфликта, Бердяев полагает, что победа над Германией и Австро-Венгрией позволит решить сразу целую серию задач от территориальных и национальных до цивилизационных и культурных, освободив славянские народы от германской зависимости.

«Слишком ясно, что исторические задачи России могут быть осуществлены лишь в разрыве с германизмом, лишь в победе над германским могуществом. Освобождение славян, освобождение Польши, обладание проливами и Константинополем — таковы задачи, поставленные в войне с Германией и Австрией. Победой над Германией и Австрией положительно решатся все эти задачи» [9]. В связи с этим в победной войне с Тройственным союзом Бердяев видит освободительный исторический и цивилизационный смысл, который даст импульс развитию России и увеличению ее мировой роли. Для убедительности своей позиции об антагонизме между российской и германской моделями развития философ совершает экскурс в историю и переходит на уровень геополитического дискурса, критикуя Германию за подталкивание России к разделу Польши при Екатерине II, за отвлечение от естественного пространственного расширения границ России на юг к Константинополю. «Германизм всегда был главным препятствием для мировой роли России. Германизм всегда был заинтересован в том, чтобы удерживать Россию в состоянии замкнутого государства, провинциального и партикулярного существования» [9, с. 3]. Именно в политике Германии он видит один из основных барьеров для реализации геополитических интересов России в Европе и на Ближнем Востоке. Тем не менее, в дальнейших рассуждениях Бердяева о международных

союзах также находится утопический момент, когда он делает ставку на сближение с Англией и латинскими народами.

Достаточно значима в плане определения сущности и тенденций мировых конфликтов, а также политического прогнозирования статья 23 июня 1915 г. «Современная война и нация», вышедшая в условиях, когда началось масштабное наступление австро-германских войск на Западном фронте, русский фронт оказался прорванным, и произошло масштабное отступление русской армии из Галиции. В публикации Бердяев представляет сравнительно-типологическое исследование войн и находит принципиальные отличия между войнами прошлого и войной современной, XX в.

Во-первых, конфликты прошлого преимущественно были профессиональными, где участвовали специально обученные кадровые или наемные армии и исход противостояния зависел от генерального сражения, а также личных качеств полководцев и правителей. Война XX в. социально расширилась, вовлекая значительные массы населения в конфликт, в чем усматривается тенденция к их демократизации. «Нынешняя европейская война показала, что войны также демократизируются, становятся общественными и народными, как и вся жизнь» [10, с. 2]. Во-вторых, современная война стала результатом милитаризации некоторых механизмов общественной жизни и проявлением массовой мобилизации населения. «В основе современного милитаризма лежат всеобщая обязательная воинская повинность и мобилизация всех народных сил» [10, с. 2]. В-третьих, современная война, имеющая тотальный характер и вовлекающая значительное количество народных сил, может закончиться только полным поражением одной из воюющих сторон и ресурсным обнулением. В-четвертых, успех современных войн не определяется локальными победами или поражениями на полях сражений, во многом он предопределен ресурсным потенциалом каждой страны, государства, народа. «Победят те народы, у которых в совокупности больше сил. И потому нет сомнения, что победят союзники. Это — вопрос времени и количества жертв. Окончательно победить Россию, довести до полного истощения абсолютно невозможно. Силы России неисчерпаемы» [10]. В данном суждении 1915 г. содержится определенное предвидение по поводу окончания мировой войны и дальнейшей роли России, несмотря на временные потери. Ссылаясь на негативный опыт Франции при Наполеоне в войне против России, Бердяев прогнозирует аналогичную судьбу Германии, поскольку наблюдает схожий процесс вовлечения всего народа в войну.

Значимым представляется концепт философа о творческом патриотизме как факторе победы в войне. Его содержание Бердяев раскрывает через связь воли с моральными установками и универсальным христианским императивом. Составной его частью также является убежденность коллективного и индивидуального сознания в истинности мысли о том, что условие успеха в войне — участие всех сил народа и каждой

персональной воли, в частности, в обеспечении победы. Подобная консолидация воли возможна при прекращении политических и идеологических разногласий внутри страны, а также проявлении творческого потенциала каждого. «Творческий патриотизм предполагает решимость всенародной воли довести борьбу, великую борьбу, до конца, до полного одоления врага... Война не может уже быть бюрократической, профессионально-военной, она должна быть общественно-народной, национальной» [10]. Существенным в концепте творческого патриотизма является понятие свободы, которое обеспечивает возможность для реализации самостоятельных сил народа. «Победить может лишь свободный и вооруженный народ. И всякий патриотический подъем народной энергии есть вместе с тем и самоосвобождение народа» [10]. Подъем патриотических сил России в текущий исторический момент рассматривается как проявление освобождения и обретения свободы. Однако подобный патриотизм связывается с национальным чувством и народом-нацией.

Статьи 1916–1917 гг., с одной стороны, следуют в русле намеченных ранее тем и концептов, а с другой — отражают нарастающий в обществе политический конфликт и переходят в критически-оценочную плоскость. Все больше философ переключается с внешнеполитической повестки на внутреннюю и предостерегает от угроз бунта и революции, перехода страны в неуправляемое состояние. Статья Бердяева в № 15921 «Биржевых ведомостей» от 13 ноября 1916 г. «Пробуждение национальной воли» вышла в условиях открытия очередной сессии IV Государственной думы и стала в определенной степени реакцией на резонансную речь П.Н. Милюкова с риторической фразой обвинения власти. Вызовом общественному мнению стало прекращение осенью 1916 г. дела генерала В.А. Сухомлинова, обвиняемого в коррупции и других преступлениях. В этом отношении лейтмотивом в статье проходит тема о надвигающемся хаосе и анархии в условиях деструктивных последствий войны. Философ сосредотачивается на анализе кризиса российской государственности, признаки которого он наблюдает в текущих событиях внутри страны, однако истоки этого кризиса он представляет достаточно абстрактно в виде выхода на политическую арену ложных сил. «Кризис этот, прежде всего в том, что выявляется ложная основа, подрывающая собственное бытие государства» [11]. Тем не менее, исходя из контекста предыдущих статей, в частности, «Война и кризис социализма» 1915 г., возможно предположить, что за этими ложными основами Бердяев видит социалистические партии, ведущие пропаганду за революцию и подрывающие народное единство в условиях войны. Спасение страны от сползания в анархию может обеспечить проявление национальной воли, ответственности общественно-патриотических сил и сознательного гражданственного патриотизма.

Две последние статьи 1917 г. в январских номерах «Биржевых ведомостей» — «Сила России» и «Психические факторы войны» полны мотивами тревожных ожиданий и неопределенности в видении перспектив и объединены исследованием психологической составляющей войны. Война в понимании Бердяева стала в том числе столкновением национальных характеров, где отразились уникальность русской природы и сила народного духа. Ее он видит в широте проявлений, спонтанности и хтонической иррациональности, которая является непонятной и непобедимой для рациональной природы европейцев. «Но Россия представляет большие испытания для этих традиционных представлений европейского человека о силе... Русские — единственный народ в мире, который может позволить экстенсивность во всем» [12]. Затянувшийся характер войны позволяет ему рассматривать ее как испытание силы национального характера. Именно Первая мировая воздействует на Россию сильнее, чем все предшествующие события. С этой войны начинается новый период российской истории в глобальном мире, где она «должна или активно вступить в этот период или окончательно выпасть из всемирной истории и пассивно оттесниться на Восток» [12]. В отличие от статей 1914–1915 гг., полных воодушевляющего патриотизма и гражданского оптимизма по поводу окончания войны победой, в статье «Психические факторы войны» имеются суждения, в которых фиксируется неопределенность сроков окончания войны и констатация того, что она ведется на истощение. Тем не менее, именно в психической невозможности дальше вести войну Бердяев видит сигналы к ее окончанию. «Война окончится потому, что в одной из воюющих сторон раньше почувствуется психическая невозможность воевать дальше» [13]. Во многом она станет следствием действия не столько таких объективных материальных факторов, как военное положение, состояние тыла, сколько морально-психологической усталости одной из сторон от войны. И еще раз апелляцией к психическому фактору как решающему он подчеркивает, как и в одной из первых статей в начале войны, что «решающее значение будет принадлежать силе духовной, а не материальной» [13]. Предположение Бердяева о неожиданном для всех финале войны представляется, если уместно применять такое определение к философским нарративам, пророческим: «Я склонен думать, что мировая война окончится неожиданно и, вероятно, совсем не так, как мы этого будем ждать. Действовать тут будут моменты иррациональные» [13]. Действительно, до распада Российской, Германской, Австро-Венгерской империй и начала революционных катаклизмов остается мало времени.

Публикация Вернадского «Война и прогресс науки» (1915) является, в отличие от поступательных и регулярных бердяевских, единичным исследованием, и излагает сциентистский взгляд на Первую мировую войну. Ключевой доминантой его интереса стало текущее состояние

и перспектива развития научной сферы в условиях мирового противостояния. Происходящий конфликт Вернадский считает «следствием того, что одновременно разнородные исторические процессы дошли до своего завершения, и эта война, так или иначе, дав выход силам прошлого, начнет новое будущее» [14, с. 373]. В отличие от Бердяева, который сосредотачивается на метафизической и духовной природе войны, Вернадский позиционирует ее как социальный феномен. Значимость ее состоит в том, что она станет фактором роста новых явлений в жизни и науке, а также выступит в качестве катализатора научно-технического прогресса. «Но, помимо этого, великая война 1914 г. отражается на научном мировом движении и другими своими сторонами. Прежде всего, в этой войне мы больше, чем когда-либо, видим применение научной тактики к решению задач военного характера» [14, с. 374]. Он отмечал, что наука стала решать напрямую задачи военного характера, а объем внедрения научных знаний и технологий в военную сферу приобрел небывалые масштабы, что нашло свое отражение в новых видах техники — аэропланов, гидропланов, а также разрушительных видов оружия — взрывчатых веществ, артиллерийских орудий и т. д. И то и другое, несмотря на деструктивность воздействия, способно создать условия для возникновения новых типов научных дисциплин. Война также стала столкновением научных потенциалов тех стран, которые участвуют в конфликте, она является своего рода реактивом, и «все, что выясняется на войне, учитывается, как урок или задача ближайшего будущего» [14, с. 375]. В связи с этим задачи науки состоят в том, чтобы фиксировать и аккумулировать все передовое, что проявляет война, и находить этому воплощение в новых формах научного знания.

Как и Бердяев в целом ряде статей, Вернадский анализирует психологическую составляющую войны, полагая, что «сейчас человечество сильнейшим образом затронуто в этой войне в самой глубине своей психики» [14, с. 377]. Он обращает внимание на сложность и полярность психических проявлений в войне, где сочетается страх перед разрушением, изуверство по отношению к человеку и вандализм в отношении к культурным ценностям. Важным для психики человека является масштабирование войны на весь мир, чего не происходило в предшествующие войны, в этом его точка зрения схожа с Бердяевым. Среднесрочной задачей мирового сообщества становится создание надгосударственных структур, предотвращающих мировые конфликты и ограничивающие милитаризацию отдельных стран. Конкретными задачами научного сообщества и ученых является создание системы технической защиты от деструктивных последствий будущих войн.

В конце Вернадский приходит к скептическому выводу — развитие науки не сумеет останавливать и предотвращать в дальнейшем войны, поскольку в их основании находится сложный комплекс причин, не поддающихся регулированию наукой. «Война, ныне поднятая,

не явится последней: она возбудит человеческое творчество для дальнейшего усовершенствования в этом направлении» [14, с. 375]. Однако расцвет и прогресс науки, следующий за периодами войн, сумеет вывести человечество на новый этап развития, и прежде всего это проявится в росте точного знания и влияния его на биосферу.

Подводя итоги статьи, следует отметить, что взгляды Бердяева и Вернадского на войну как конкретное явление и абстрактный феномен имеют целый ряд сходств и определенных отличий. Если сходства касаются указания на ее базовые причины, сложную и противоречивую природу, силу психического воздействия, то различия находятся в ценностном осмыслении войны, контекстуальной интерпретации, оценке последствий для государств и человека в целом. Учитывая актуальность угрозы повторения мирового конфликта в условиях XXI в., интерес приобретает ретроспективное изучение взглядов представителей философских и научных сфер, ставших не только очевидцами мирового конфликта, но и проницательными исследователями сущности этого фундаментального явления. Возможно, их выводы могут быть переосмыслены и применимы в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н.А. Война и возрождение. *Утро России*, 1914, № 192, с. 2.
- [2] Бердяев Н.А. Россия и Польша. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1914, № 14424, с. 2.
- [3] Бердяев Н.А. Футуризм на войне. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1914, № 14456, с. 2.
- [4] Бердяев Н.А. Современная Германия. *Утро России*, 1914, № 255, с. 2.
- [5] Бердяев Н.А. Империализм священный и империализм буржуазный. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1914, № 14476, с. 2.
- [6] Бердяев Н.А. О дремлющих силах человека (К психологии войны). *Утро России*, 1914, № 272, с. 3.
- [7] Бердяев Н.А. Новая Россия. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1915, № 14628, с. 2.
- [8] Бердяев Н.А. О дарящих и отнимающих. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1915, № 14720, с. 2.
- [9] Бердяев Н.А. Германия, Польша и Константинополь. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1915, № 14855, с. 3.
- [10] Бердяев Н.А. Современная война и нация. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1915, № 14921, с. 2.
- [11] Бердяев Н.А. Пробуждение национальной воли. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1916, № 1592, с. 3.
- [12] Бердяев Н.А. Сила России. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1917, № 16018, с. 2.
- [13] Бердяев Н.А. Психические факторы войны. *Биржевые ведомости. Утренний выпуск*, 1917, № 16048, с. 2.
- [14] Вернадский В.И. *Война и прогресс науки. Избранные труды*. Москва, РОССПЭН, 2010, 744 с.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ермаков В.А. Нарративы и концепты о Первой мировой войне в публицистике
Н.А. Бердяева и В.И. Вернадского. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6.

EDN CFZLXT

Ермаков Вадим Андреевич — канд. истор. наук, доцент кафедры «История»
МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: ermakovva@bmstu.ru

Narratives and concepts on the First World War in the social and political essays by N.A. Berdyaev and V.I. Vernadsky

© V.A. Ermakov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper analyzes and reconstructs views of N.A. Berdyaev and V.I. Vernadsky on the First World War as a specific military-political event and on the war as a substantial historical and socio-cultural phenomenon. The current state of political processes and the need to understand the fundamental meanings of war determine relevance of this work. The paper presents Berdyaev's narratives on the first world conflict in history reflected in his publications in the newspapers 'Birzhevye Vedomosti' and 'Utro Rossii', which regularly appeared from 1914 to 1917. These narratives revealed causes and characteristics of the conflict, as well as specifics in the conceptual explanation of war as a historical and metaphysical phenomenon. As the content and interpretative specifics of such concepts as war, imperialism, liberation, etc. were revealed; interconnections were provided between abstract concepts, ideological constructions and specific events in the domestic and foreign policies of the Russian state and the world as a whole. The paper follows thematic variability, expansion of the problematic fields and alteration of contexts in consideration of war following dynamics of the current events and conditioned by individual reaction of the philosopher and his personalized attitude to reality. The paper examines V.I. Vernadsky's view on the First World War in a comparative way and identifies his scientific approach and the progressivist basis. It reveals the admissible consequences and tendencies of the world conflict, which the scientist substantiates in his article 'War and the Progress of Science' (1915). The paper shows the difference in their ideas on the military conflict and similarities in their assessment of certain aspects of the war.

Keywords: historical fact, German militarism, First World War, technology, futurism

REFERENCES

- [1] Berdyaev N.A. Voyna i vrozozhdenie [War and rebirth]. *Utro Rossii*, 1914, no. 192, p. 2.
- [2] Berdyaev N.A. Rossiya i Polsha [Russia and Poland]. *Birzhevye vedomosti. Morning issue*, 1914, no. 14424, p. 2.
- [3] Berdyaev N.A. Futurizm na voyne [Futurism at war]. *Birzhevye vedomosti. Morning issue*, 1914, no. 14456, p. 2.
- [4] Berdyaev N.A. Sovremennaya Germaniya [Modern Germany]. *Utro Rossii*, 1914, no. 255, p. 2.
- [5] Berdyaev N.A. Imperializm svyashchennyi i imperialism burzhuaznyi [Sacred imperialism and bourgeois imperialism]. *Birzhevye vedomosti. Morning issue*, 1914, no. 14476, p. 2.
- [6] Berdyaev N.A. O dremlyushchikh silakh cheloveka (K psikhologii voyny [On dormant human forces (To the psychology of war)]. *Utro Rossii*, 1914, no. 272, p. 3.
- [7] Berdyaev N.A. Novaya Rossiya (New Russia). *Birzhevye vedomosti. Morning issue*, 1915, no. 14628, p. 2.
- [8] Berdyaev N.A. O daryashchikh i otnimayushchikh [About givers and takers]. *Birzhevye Vedomosti. Morning issue*, 1915, no. 14720, p. 2.

- [9] Berdyaev N.A. Germaniya, Polsha i Konstantinopol [Germany, Poland and Constantinople]. *Birzhevye Vedomosti. Morning issue*, 1915, no. 14855, p. 3.
- [10] Berdyaev N.A. Sovremennaya voyna i natsiya [Modern war and the nation]. *Birzhevye Vedomosti. Morning edition*, 1915, no. 14921, p. 2.
- [11] Berdyaev N.A. Probuzhdenie natsionalnoy voli [Awakening of the national will]. *Birzhevye vedomosti. Morning edition*, 1916, no. 1592, p. 3.
- [12] Berdyaev N.A. Sila Rossii [The Power of Russia]. *Birzhevye Vedomosti. Morning issue*, 1917, no. 16018, p. 2.
- [13] Berdyaev N.A. Psikhicheskie faktory voyny [Psychic factors of war]. *Birzhevye vedomosti. Morning issue*, 1917, no. 16048, p. 2.
- [14] Vernadsky V.I. *Voyna i progress nauki. Izbrannye trudy* [War and the progress of science. Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 744 p.

Ermakov V.A., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: ermakovva@bmstu.ru